

КАРАВАНЫ РАКЕТ

ОБ УТОПИИ СОВЕТСКОГО КОСМОСА РАССКАЗЫВАЕТ МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

Часы Константина Эдуардовича Циолковского показывают час его смерти **19 сентября 1935 года**. Они созданы женеvским часовщиком Жаном Франсуа Боттом (1772–1845), поставившим часы и для продажи в России. Находятся в Доме-музее К. Э. Циолковского в Калуге

Веранда калужского дома служила Циолковскому для разработки космических аппаратов

«В это лето ни один межпланетный корабль не покидал Землю. По железным дорогам страны ходили обычные поезда, без атомных котлов. Арктика оставалась холодной. Человек еще не научился управлять погодой, добывать хлеб из воздуха, жить до 300 лет. Марсиане не прилетали. Запись экскурсантов на Луну еще не объявлялась. Ничего этого не было просто потому, что наш рассказ относится к событиям сегодняшнего дня...» — так начинался роман Владимира Немцова «Осколок Солнца» (1955). Советскому фантасту космическая эпоха виделась чем-то весьма отдаленным. Он не знал, что 2 февраля того же 1955 года было принято правительственное постановление о строительстве научно-исследовательского испытательного полигона площадью почти 7 тыс. кв. км около казахстанского разъезда Тюре-Там. Того самого, который войдет в историю под именем Байконур. Около настоящего Байконура одновременно возводился мнимый космодром — специально для американских самолетов-шпионов. А еще через два года — 4 октября 1957 года — весь мир услышит доносящийся из космоса «бип-бип» — сигнал ПС-1, то есть Простейшего спутника-1, первого советского искусственного спутника Земли. Огонек в небе вдохновит Рея Брэдбери на восхищенные слова — «маленький огонек, стремительно двигавшийся от края до края неба, был будущим всего человечества» и «сделал человека бессмертным». Фантастам вообще не хватало воображения. По сравнению с ними те, кто вошел в историю как основоположники советской космонавтики, кажутся

бандой опасных сумасшедших и авантюристов. 27-летний Николай Кибальчич начертил проект космического аппарата в камере смертников: у изготовителя народоvльческих бомб только там нашлось время для главного дела жизни. Глухой школьный учитель, самоучка Константин Циолковский слыл в Калуге то ли вдохновенным гением, то ли городским сумасшедшим, мастерившим на своей веранде модели жестяных дирижаблей и межпланетных кораблей. Белый офицер Александр Шаргей, в 1929 году опубликовавший «Завоевание межпланетных пространств», вообще жил по подложным документам на фамилию Кондратюк. Недаром понятие «русский космизм» ассоциируется с истовыми утопиями вроде идеи Николая Федорова, современника Циолковского, о воскрешении мертвых. С таким первопроходцами русские были просто обречены оказаться в космосе первыми. Зато фантастов — что наших, что американских — не подводило классовое чутье. Они предугадали, что освоение космоса станет соревнованием между сверхдержавами, космической гонкой. Артур Кларк в «Броске на Луну» (1956) и Георгий Мартынов в «Мире угасающей жизни» (1955) представляли покорение космоса именно как гонку космических аппаратов разных стран. В «Каллисто» (1957) того же Мартынова американский агент уже пытался убить гостей из коммунистического будущего и разрушить их аппарат, приземлившийся у поселка Золотухино Курской области. Параметры этой гонки превосходили человеческое воображение: космические скорости и расстояния. Но счет в гонке шел на месяцы, если не дни.